

© 1991 г.

МИГАЧЕВ В. А.

О РЕКОНСТРУКЦИИ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

(На материале германских языков)

Со времени появления термина «морфонология» прошло более полувека, однако само это понятие все еще нуждается в более четкой дефиниции. Достаточно сравнить несколько представленных в разное время определений, чтобы убедиться, что в понятие «морфонология» разные авторы вкладывают не всегда одно и то же. Общим, что связывает все толкования этого феномена, является, по-видимому, следующее: морфонология — это нечто между фонологией и морфологией. Неопределенность термина «морфонология» способствовала размыванию границ исследуемых объектов: под морфонологическими объектами сегодня понимается любое чередование — коррелятивы и дивергенты, просодика и акцентные отношения, внешнее и внутреннее сандхи и др.

Предметом нашего рассмотрения являются морфонологические процессы, имевшие место в диахронии германских языков. Прежде всего хотелось бы остановиться на некоторых общих проблемах морфонологии.

В настоящее время идею уровневого моделирования языка, кажется, можно признать общепринятой. Этот метод характерен для всех направлений науки — от моделирования процессов управления до моделирования Вселенной в астрономии и генетического кода в биологии. Не оспаривая онтологического характера уровня модели, мы все же склонны рассматривать ее как один из методов анализа такого сложного и противоречивого феномена, каким является язык. К методике уровневого моделирования мы обратились не случайно: результаты многочисленных исследований в рамках этого направления свидетельствуют о достаточной оперативности указанной модели в диахронических изысканиях (ср. работы Э. Бенвениста, К. Куриловича, Ф. ван Кутсема, Г. Хёнигсвальда и пр.). Кроме того, исследуя морфонологические процессы в диахронии (в отличие от синхронных динамических процессов в описательной технике (item and process)), нам пришлось дополнить эту модель введением понятий межуровневых «прямых» и «опосредствованных» связей, превращающих структуру языка в функционирующую систему. Рассматривая морфонологию как взаимодействие двух близлежащих уровней с вычленением в диахроническом морфонологическом процессе активного и пассивного агентов, мы не считали необходимым использование понятия «модуль», оперативность которого в диахронических исследованиях весьма проблематична [1].

Несмотря на простоту и элегантность построения, уровневая модель неоднократно подвергалась критике, особенно со стороны исследователей-синхронистов [2]. Основными недостатками этой модели в том виде, какой она была кодифицирована в работах Э. Бенвениста, С. Лема и других лингвистов [3—7], являются следующие: 1) неопределенность инвентаря

уровней, составляющих стратификацию модели; 2) спорный характер взаимоотношений между единицами уровней; 3) композиционная недостаточность модели, не способной отразить сложную картину взаимоотношенности горизонтальных уровней. Первый пункт не подлежит обсуждению в данной работе, т. к. уровни фонологии и морфологии вычлняются всеми без исключения авторами. Предметом дискуссии является вычление уровней, находящихся выше лексемного: фраземного (греч. φράσις «предложение») и логемного (греч. λόγος «текст, высказывание») [8].

Проблема включения тех или иных уровней в стратификационную модель упирается в конечном счете в проблему вычления внутривровневых единиц и их межуровневых отношений. Положение о том, что в иерархически организованной структуре уровней каждая единица состоит из единиц низшего уровня и является одновременно строительным материалом для единиц вышестоящего уровня, основано на выделении конститутивных, репрезентативных и интеграционных отношений в качестве определяющих. С точки зрения синхронной дескриптивистики трудноразрешимыми оказываются целый ряд проблем. Речь идет, в частности, о членности текста, идентификации морфем, поиске инварианта морфемы и исходного алломорфа, о вопросах фонологических границ алломорфирования, о соотношении уровневых значений и др. Неоднозначно решаются эти проблемы и в рамках иных теорий и школ [3—15]. Изменение целей исследования и терминологии («модулярность», «модуль», «интерфейс», «естественность» и пр.) пока не приблизило нас к решению этих чрезвычайно важных для синхронных и общетеоретических исследований проблем [1].

Для диахронической морфонологии, где непосредственным объектом изучения является морфонологический процесс взаимодействия двух агентов — фонологии и морфологии, указанные проблемы синхронной дескриптивистики оказываются несущественными: конкретные реализации межуровневой взаимосвязи, сами морфонологические альтернативы отходят на второй план, о чем пойдет речь ниже. Любые чередования, вызванные проведением определенных фонологических тенденций на определенном синхронном срезе языкового развития, меняются и трансформируются от среза к срезу, от ареала к ареалу, от этноса к этносу. Поэтому не субстанции альтернатив, не их диахронические корреспонденции, не границы варьирования алломорфов должны занимать мофонолога-диахрониста, а лишь процессы 1) втягивания фонологических альтернатив в морфоологию; 2) использования этих альтернатив для дифференциаций и маркирования грамматических значений; 3) устранения «пустых», грамматически незначимых альтернатив по всему парадигматическому ряду; 4) возникновения или исчезновения грамматических категорий, если это связано со взаимодействием уровней.

Указанные моменты представляют собой цель и объект морфонологии диахронической в отличие от морфонологии синхронной. Наиболее «рабочей» в этом отношении оказывается уровневая модель структуры и системы языка с учетом последующих модификаций.

Рассмотрение двух первых недостатков уровневой модели подвело нас к мысли о композиционной недостаточности модели. Каждому уровню соответствует своя уровневая единица — меризм, фонема, морфема, лексема, фразема (единица синтаксиса) и логема (единица текста). Это абстрактные единицы уровня, обладающие определенным уровнем значения. Внутри уровней наличествуют конкретные реализации указанных единиц — фонемы, морфы, лексоны, фразоны, логоны, а также набор реализаций, со-

храняющих уровневое значение, но с варьирующимися формами — аллофоны, алломорфы, аллолексы, аллофразы, аллологи (в «онической» — терминологии — аллолексоны, аллофразоны, аллологоны).

Внутриуровневое значение определяется тактическими правилами: не всякая последовательность меризмов, фонем, морфем, лексем, логем значима. К примеру, набор меризмов + диффузность, + прерванность, — напряженность, + велярность не есть фонема; последовательность фонем /р, т, к/ не является морфемой русского языка. В свою очередь русск. **столой*, нем. **des Löwes*, англ. **childs* являются нарушением правил морфотактики; аналогичное можно сказать в отношении сюрреалистических примеров о «зеленых идеях», которые «яростно спят», т. е. примеров с явным нарушением лексотактики. Диалог типа: «Какая сегодня погода? — Нет, я не приду!» в принципе может иллюстрировать несоблюдение правил фразотактики. Нетрудно заметить, что правила тактики любого уровня детерминируются значением уровня, расположенного на ступень выше. Именно оно определяет «отмеченность»/«неотмеченность» любой последовательности единиц предыдущего уровня.

Так или иначе, представляя структуру языка как строгое архитектурное сооружение, состоящее из горизонтальных уровней, мы не можем не задать себе вопроса о том, что же обеспечивает устойчивость и функциональность этой конструкции. При исследовании материала по горизонтальным уровням всегда остается что-то неуловимое, не поддающееся описанию в привычных терминах традиционного представления о языке. Логически следует утверждение: эти уровни должны быть детерминированы, обусловлены внутренними связями. Эти связи проявляются уже в тактических правилах. Очевиден и тот факт, что для познания феномена языка важнее оказываются не внутриуровневые отношения, а отношения межуровневые [16]. Следует указать на наличие иных связей, которыми пронизана вся структура языка и которые как бы «оживляют» структуру, превращая ее тем самым в функционально значимую систему.

Детерминация двух близлежащих уровней очевидна. Типы отношений между двумя близлежащими уровнями можно назвать прямыми. Существуют с очевидностью и опосредованные, непрямые связи, скажем, между фонемным и лексическим уровнями, морфемным и фраземным и т. д., т. е. между уровнями, которые находятся на некотором удалении друг от друга в пространственной модели языка. Интересна реализация этих связей в диахронии: достаточно проанализировать такие примеры, как русск. *челюсть* — *челн* — *кльк* — *колоть*, восходящие к одному индоевропейскому корню **kel-/kol-*, где чисто фонетические альтернации использованы системой для создания новых лексических единиц. Аналогично: русск. *коса* — *чесать* от **kes-/kos-*. Подобными явлениями (как в синхронии, так и в диахронии) могла бы заниматься лексофонология. Следует особо подчеркнуть важность морфонологических, лексофонологических и фразоморфемных связей и в диахронии. Их исследование позволяет проследить процесс совершенствования самой системы, ее диахроническую экономность, обусловленную переориентацией единиц горизонтальных уровней под влиянием прямых и опосредствованных связей [17].

Наличие в структуре языковой модели прямых и опосредствованных связей функционально «оживляет» ее и превращает в систему, подобную той, которая характерна для функционирования живого организма, состоящего в принципе из неживых структурно организованных элементов и частей; лишь эти связи (а для нас это в первую очередь морфонология) делают модель функционально значимой. В этом и заключается вся важ-

ность изучения этих связей, их особенностей, т. к. только они превращают языковую структуру в реальный объект.

Определяя подобным образом место морфонологии в структуре и системе языка и тем самым ее системный паспорт, мы можем перейти к исследованию этого феномена непосредственно. Итак, морфонология — это тип прямых, детерминированных, функционально значимых связей и отношений между уровнями фонологии и морфологии. Это элемент системы языка, а не структуры. Однако исследование не может остановиться на констатации взаимодействия уровней, ибо остается невыясненной сама природа этих взаимодействий. Установление взаимосвязи лишь предваряет анализ. Под взаимодействием уровней следует понимать в з а и м н ы е изменения на обоих уровнях, которые выступают как две противоположные стороны одного процесса. Этот процесс поддается разложению на однонаправленные составляющие: при этом возможным оказывается определение особенностей каждой из сторон, вскрытие характера и направления их взаимодействия [18].

Взаимодействие всегда предполагает активную и пассивную стороны. Следует отметить, что эти качества уровней не константны: в различных условиях пассивный уровень может стать активным и наоборот. Различная активность взаимодействующих сторон является одним из основных источников диахронического развития языка: в процессе развития потенциал сторон может изменяться: морфологический уровень, будучи ведущим, может стать относительно пассивным, уступая приоритет фонологии.

Интересно отметить, что взаимодействие уровней с синхронной точки зрения характеризуется относительно равновесием. В диахронии эти уровни оказываются факторами, обуславливающими движение и развитие самих себя. Этим, по-видимому, и объясняется феномен диахронического процесса в языке — творящей и разрушающей силы. Исследование этого процесса изменений в обоих уровнях предполагает ответы на следующие вопросы: почему возникает новое, чем оно обусловлено, чем определяется его существование, почему это новое исчезает или сохраняется, какова его функциональная значимость, что является импульсом морфологического процесса и т. д. Подобное представление процесса взаимодействия уровней фонологии и морфологии в системе языка практически снимает основной тезис младограмматиков о конструктивном начале грамматики и деструктивности фонетики.

Все эти положения можно проиллюстрировать многочисленными примерами. Остановимся на одном из них, а именно на проблеме утраты простого прошедшего в некоторых южнонемецких диалектах. Исследователи южнонемецких диалектов неоднократно отмечали, что основной особенностью формообразования глагола является утрата простого прошедшего с заменой его сложной описательной формой перфекта, образуемой с помощью вспомогательных глаголов *haben*, *sein* или описательными формами с *un*. Исчезновение форм простого прошедшего на диалектологической карте не имеет общей границы, но образует с юга на север несколько ступеней от полного отсутствия этих форм до их полного сохранения [в Швейцарии, Эльзасе, Баден-Вюртенберге, Лотарингии целиком утрачено простое прошедшее; в Рейнпфальце, Рейнгессене, Штаркенбурге эти формы сохраняются лишь от некоторых вспомогательных глаголов; в более северных диалектах (средне- и нижнефранкский, верхне- и нижнегессенский, тюрингский, верхнесаксонский) простое прошедшее сохраняется полностью].

В разное время давались неодинаковые объяснения этого явления:

Г. Нагль усматривал здесь элементы определенной ментальности, Г. Вундерлих — семантическую близость категорий перфекта и претерита. Г. Райс предполагал чисто фонетическое объяснение: закономерный процесс выпадения безударного гласного *-e-* привел к совпадению многих форм индикатива претерита с формами индикатива презенса. Эта точка зрения была принята и В. М. Жирмунским: «Как показывает географическое распространение этого явления, его причиной следует, по-видимому, считать отпадение конечного *-e*. Результатом этого отпадения явилось фонетическое совпадение прошедшего и настоящего прежде всего в слабых глаголах в ед. 3: срв. наст. *spielt* = прош. *er spielt*» [19]. Аналогичное объяснение было повторено в работе И. Даль [20].

Представляется, что ни психологическая, ни грамматическая, ни чисто фонетическая интерпретации рассматриваемого явления не вскрывают его системной сути. При объяснении его причин следует исходить из системы языка, из взаимодействия его фонологической и морфологической структур, иными словами, необходимо рассмотреть проблему с точки зрения морфонологических процессов, имевших место в диахронии германских языков.

Все предыдущие исследователи отмечали, что исчезновение простого прошедшего с самого начала охватывало в большей степени слабые глаголы. Позднее эта тенденция распространилась и на сильные глаголы, по-видимому, под влиянием контекста. Речь идет об унификации временных форм в однородном тексте. В одной из своих работ мы пытались показать, что во всех южнонемецких диалектах имела место унификация глагольных парадигм. Это выразилось прежде всего в выравнивании вокализма и консонантизма основ, в нивелировании разнобоя в гласных и согласных, вызванного иррелевантными с точки зрения морфологии ассимилятивными процессами [21].

Тенденция к распространению основообразующих суффиксов вторичных глаголов на презентную парадигму, на весь парадигматический ряд, получившая столь широкое распространение в готском и древнеисландском, была практически элиминирована в южнонемецких диалектах. Претеритальные формы слабых глаголов (как краткосложных, так и долгосложных основ) были представлены в западногерманских языках как архетип без основообразующего элемента [22]. В основах с исходом на согласный произошел стык согласного с дентальным формативом, что привело к образованию большого количества алломорфов, а это в свою очередь вело к «разрыхлению» парадигмы.

Особенно следует остановиться на глаголах с основой на дентальный: здесь произошло упрощение групп «дентальный + дентальный», что вызвало обезличивание плана выражения форматива прошедшего времени. Др.-в.-нем глагол *ambahten* «служить» (гот. *andbahtjan*, *andbahtida*, *-dēdun*) имеет следующие формы: презенс — *ambahtiu*, претерит — *ambahta*, оппозитив претерита — *ambahti*. Нередки формы с основообразующим суффиксом (*ambahtita*). В образованиях типа *ambahta* — *ambahti* морфологическую нагрузку несет не дентальный форматив, а флексия.

Подобное положение сложилось в парадигматических рядах глаголов типа *bereiten* «готовить», *bluoten* «цвести», *brahten* «звучать» и др. По нашим подсчетам, в словаре Ф. Равена [23] содержится около 150 основных, чрезвычайно частотных глаголов с исходом на дентальный, не считая префиксальных производных (число глагольных префиксов также велико: *ana-*, *bi-*, *inbi-*, *gi-*, *anagi-*, *ingi-*, *zuogi-*, *hinanazi-*, *zusamene-*, *zusamenegi-*, *zuo-heften*).

Ситуация, сложившаяся в результате «обезличивания» дентального формата как показателя прошедшего времени, могла иметь следствием или разрушение претеритальной парадигмы слабых глаголов, или усиление морфонологических характеристик показателя прошедшего времени. Оба эти процесса имели место в истории западногерманских языков. Южные диалекты избрали первый путь — эллинизирование категории слабого прошедшего времени и замену его описательными конструкциями. Иными словами, в сложном морфонологическом процессе взаимодействия фонологического и морфологического уровней активной оказалась фонология, приведшая к устранению тенденции и распространению основообразующих элементов на весь парадигматический ряд и к синкопированию этих элементов в тех случаях, где они ранее появились в претеритальных формах (из презентных парадигм). В средне- и севернонемецких диалектах (шире — в древнеанглийском, древнесаксонском, древнефризском) развитие пошло по второму пути: в этих диалектах была более отчетливо дифференцирована морфологическая значимость дентального формата: *ratta* > *raita* > *reita*; *ahta* > *ahtitun*. Так была сохранена категория простого прошедшего. В этих диалектах активной оказалась морфология: языковое развитие пошло на морфологическом уровне.

Пример с утратой прошедшего в некоторых южнонемецких диалектах убеждает в том, взаимодействие фонологического и морфологического уровней ведет к существенным изменениям в структуре языка и что у системы языка всегда есть альтернатива выбора в морфологическом процессе: результаты развития зависят от степени активности или пассивности того или иного уровня.

Результаты межуровневых отношений фонологии и морфологии реально наблюдаемы в языке: речь идет о разнооформленности морфем типа русск. князь — княжна — княгиня, нем. ziehen — zog — gezogen и др. Традиционно называемые альтернативами, такие формы обычно со времен И. А. Бодуэна де Куртенэ классифицируются как значимые и незначимые. Это разделение очень важно: игнорирование его привело к превращению морфологии в нечто бескрайнее с точки зрения объекта исследования. В качестве морфонологических рассматриваются практически все чисто фонологические трансформации лишь только потому, что эти фонологические процессы происходят внутри морфем и некоторым образом касаются их формы. Но форма морфемы — это еще не морфология, это лишь реализация тактических репрезентативных правил фонологии, т. е. фонотактика, по правилам которой строятся морфемы. Не всякие изменения фонотактики могут быть «охвачены» и «осмыслены» морфологией. Кроме того, фонемы вне морфем, лексем, фразем не существуют, они реализуются и функционируют только внутри единиц вышележащих уровней в структуре языка. Поэтому изменение лишь формы морфемы еще нельзя назвать морфонологическим процессом в нашем понимании этого термина.

Из этого следует сделать вывод, что не всякая альтернатива формы-морфемы есть явление морфонологическое. Здесь мы позволим себе не согласиться с И. А. Бодуэном в том, что морфемы чередуются независимо от дивергентного или коррелятивного характера альтернатив. Возможно, столь безбрежному расширению границ морфологии относительно объектов ее исследования способствовало недостаточно четкое формулирование ее задач Н. С. Трубецким [24]. Как мы указывали выше, морфология изучает детерминативные связи между фонологией и морфологией. Эти уровни одновременно и интегральны и автономны. Возможно их двойное изучение — подход «снизу» и подход «сверху». Исследование

языковых данных с точки зрения фонологии, включающее, по Трубецкому, учение о фонологической структуре морфем и учение о комбинаторных изменениях в межморфемных швах, а также перечисленные выше проблемы синхронной морфонологии мы предлагаем впредь именовать фономорфологией; исследование же альтернатив, выполняющих морфонологическую функцию, — это, по нашему мнению, истинная морфонология. Это разделение в диахронии обусловлено активностью/пассивностью того или иного уровня взаимодействия в зависимости от этапа морфонологического процесса. К необходимости подобного разграничения независимо от нас [25] пришел В. Б. Касевич [11], правда, сделано это им с иных принципиальных позиций. Подобное разграничение не только терминологическое: оно позволяет четко очертить круг проблем, объектов и методик фономорфологических и морфонологических исследований.

Принципиальное разграничение морфонологии и фономорфологии связано еще с одним обстоятельством: если первая обслуживает в основном диахронию и реализуется в ней, то вторая ориентирована в первую очередь на синхронию. Разумеется, морфонологические явления также можно рассматривать с синхронной точки зрения, но это так или иначе всегда будет так называемая «снятая диахрония», т. е. результат морфонологического процесса, а не сам процесс. Объектами синхронной фономорфологии, таким образом, становятся фонологическая структура морфем и все грамматически иррелевантные комбинаторные изменения, вплоть до определения «классных» (т. е. гносеологических) дополнительных диакритик. Методики такого исследования известны из работ генеративного и дескриптивного направлений как в области парадигматики, так и деривации: принципы морфемного членения словоформ, идентификация морфем, определение направления альтернирования и исходного варианта, фонологические границы алломорфирования, усечение и наложение морфов, инфиксация и синкопирование и мн. др.

Явление умлаута, к примеру, в современном немецком языке синхронно анализируется как грамматическое средство выражения мн. числа (нем. *Vater — Väter*) или маркер степени сравнения (*alt — älter — der älteste*) и пр. Однако истинно морфонологическая природа этого явления проявляется только в диахронии. Будучи чисто фонетической перелазовкой основы корня и флексии, это явление перешло в разряд фономорфологических. Морфология немецкого языка использовала это фонетическое явление в своих целях, подняв его до собственного уровня (ср. также использование умлаута как показателя сослагательного наклонения на фоне флексии, которая под влиянием фонологических процессов в значительной мере утратила способность маркировать грамматическое значение).

Германский умлаут во всех своих видах (веляризация, палатализация, лабиализация, *R*-умлаут, *k/g*-умлаут) рассматривается нами как многослойное явление не с точки зрения его гетерохронности, а под углом зрения морфонологии. Первый пласт включает в себя позиционно обусловленные явления типа др.-в.-нем. *gast — gesti*, н.-в.-нем. *Gast — Gäste*, др.-в.-нем. *ih faru, du feris*, н.-в.-нем. *du fährst, er fährt*. На современном уровне позиционная обусловленность уже исчезла, но альтернации сохраняются в языке как добавочная (вторичная) грамматическая характеристика, чаще в силу давления традиции или школьного образования, ибо функция дополнительного маркера грамматического значения в данном пласте спорна — ср. примеры образования мн. числа у существительных того же типа: *Sohn — Söhne, Platz — Plätze, Baum — Bäume, no Tag —*

Tage, Schuh — Schuhe. Сравнение этих примеров говорит об избыточности умлаута как грамматического средства (аналогично *du fährst, no du schaffst* и др.).

Второй пласт умлаута включает в себя такие явления, как *Väter, Mütter, Mäntel, Nägel* и др. Эти явления не обусловлены позицией ни синхронно, ни диахронически: они облечены определенным грамматическим значением и являются продуктом определенных морфонологических процессов.

Первый пласт умлаутных чередований относится нами к разряду фономорфологических и выводится за рамки морфонологии. Многие альтернации, вызванные действием умлаута, не были использованы морфологией и были устранены, что говорит о морфологической пустоте первоначальных перегласовок. Особенно часто это происходило там, где внутри парадигмы или в лексическом ряду родственных слов возникали формы с перегласованным гласным, нарушающие регулярность этой парадигмы или ряда. Морфонологический процесс выравнивания вокализма был неоднозначным даже внутри одного диалекта; унификация могла проходить как в пользу перегласованного, так и в пользу неперегласованного гласного, могли возникать как территориальные, так и хронологические дублеты, ср. др.-исл. *fljúga* «летать»: формы индикатива наст. времени — *flýg, flýgr* вм. **fliüg*; др.-исл. *ferþ* «поездка», род. п. *ferþar* вм. закономерного **farþar*; др.-исл. *vinþr* < **vinifr* «ожидание», род. п. *vinþa* вм. фонетически закономерного **venþa*; др.-исл. *staþr* «город», мн.ч. *staþer* вм. **steþer* и т. д.

Первый пласт умлаутных чередований может интересовать морфолога лишь в том случае, если происходит выравнивание вокализма, ибо здесь мы снова имеем дело с «игрой» морфонологических связей, с морфонологическим процессом, где активной выступает морфология. Устранение фонетических альтернаций косвенно свидетельствует об их грамматической пустоте.

Сопоставление таких примеров, как др.-исл. *gestr — gests — gest — gestir — gesta — gestum — gest* (парадигматический ряд) и др.-исл. *staðr — staðar — stað — staðir — staða — stöðum*, наглядно демонстрирует синхронную иррелевантность возникших в результате палатальной перегласовки чередований. Но эти же примеры при историческом рассмотрении свидетельствуют о большой диахронической ценности морфонологии. И палатальный, и веларный умлаут существенно повлияли на морфологическую систему северных и западных германских языков. Включенными в этот процесс и переориентированными оказались такие грамматические категории, как оппозиции множественного/единственного числа, оппозиции внутри падежной парадигмы, оппозиция презенс/претерит, оппозиция лица и числа внутри глагольной парадигмы, оппозиция степеней сравнения, оппозиция индикатив/оптатив, многие деривации и др.

Следует согласиться с чрезвычайно важным замечанием Э. А. Макаева и Е. С. Кубряковой [26] о том, что носителями определенной грамматической значимости оказываются не сами чередования перегласованных/неперегласованных элементов (*a : e*), а их конкретное противопоставление в определенных парадигмах. Процессуально наличие этих чередований способствовало созданию четких временных, личных и модальных оппозиций или укреплению уже имевшихся противопоставлений за счет других средств.

Причины морфонологического процесса втягивания перегласовок и форм, возникших в результате их альтернаций, в морфологическую

ткань германских языков достаточно прозрачны. Первой, по-видимому, следует назвать переинтеграцию конца слова, которая привела к разрушению флексии. Грамматическая система как раз нуждалась в таком новом средстве, которое бы подкрепило грамматическую значимость слабо маркированной флексии.

Следующей причиной морфологизации умлаута можно считать, по-видимому, то обстоятельство, что корреляция *e : a* (палатальная перегласовка) структурно или хотя бы внешне начинает ассоциироваться с уже имевшейся в германских языках моделью чередований по аблауту. Вполне возможно поэтому рассматривать германский умлаут как типологическую модель, становление которой происходит уже в лингвистически обозреваемом (т. е. зафиксированном в памятниках) времени как модель того процесса, который некогда привел к возникновению индоевропейского аблаута. Типологическая ценность умлаута в этом отношении очень велика.

Необходимо отметить, что аблаутные чередования захватили лишь временные оппозиции (если не учитывать деривационные процессы) и в силу этого очень четко морфологизировались; однако диапазон действия умлаута, с грамматической точки зрения, гораздо шире. Возможно, что именно эта широта распространения умлаута и привела к морфологической иррелевантности умлаута во многих категориях, что в конечном итоге выразилось в значительном свертывании этих явлений в ареальном и хронологическом планах. Следует отметить также, что умлаут как бы наложился на систему аблаута (ср. сильные глаголы III, IV, V, VI рядов), нарушив тем самым его традиционную стройность и устойчивость. С другой стороны, возникшие альтернации в системе слабых глаголов (типа др.-сакс. *sellian — salda, tellian — talda* и др.) подняли грамматическую значимость самого умлаута.

Продолжая мысль о том, что поздние трансформации конца слова, обезличивая флексию как таковую, привели к переориентации грамматических показателей, упомянем диахронический процесс морфологизации умлаута в системе оппозиции индикатив/оптатив. Уже простое сравнение форм оптатива в древневерхненемецких и средневерхненемецких памятниках наглядно показывает те огромные изменения в показателях этой категории, которые были вызваны явлениями конца слова. Если в др.-в.-нем. парадигме *nami — namis — nami — namim — namit — namin* показатель оптатива *-i-* четко проведен по всему парадигматическому ряду и действительно маркирует грамматическую категорию, то в ср.-в.-нем. *neme — nemest — neme — nemen — nemet — nemen* морфологическая категория оптатива ассоциируется уже не с *-i-*, которое под воздействием явлений конца слова перешло в *-e-*, а с его рефлексом, т. е. с умлаутированным гласным основы. Флексия же отступила на второй план, взяв на себя функции выражения числовых и личных оппозиций, но уже не модальных.

Таким образом, наш материал подтверждает сделанный некогда Э. А. Макаевым вывод о том, что морфологизации любого фонетического явления должны сопутствовать благоприятные морфологические условия — так называемые морфологические опоры. Не везде эти морфологические опоры существовали (ср. др.-исл. *staðr*), и это обстоятельство приводило к иррелевантности умлаута во многих категориях и к последующему его элиминированию. Но все же процесс элиминирования носил морфонологический характер. Вот почему явления типа др.-в.-нем. *gesti, du feris, er ferit* мы включаем в первый пласт германского умлаута

и выводим их за рамки морфологии, признавая за процессом выравнивания вокализма морфонологический статус, ибо процесс этот всегда был обусловлен наличием или отсутствием морфологических опор, активностью или пассивностью того или иного уровня.

Будучи втянутым в морфологические оппозиции, умлаут становится грамматическим признаком в тех формах, где он фонологически некорректен, ибо в этих случаях он возникает тогда, когда действие этого явления исторически уже завершилось. Примеры таких процессов богато представлены в древневерхненемецком [ср. также *o*-основы существительных муж. рода в средневерхненемецком: *stab* — *stebe*, *halm* — *helme*; только в нововерхненемецком появляется умлаут в *Höfe*, *Frösche*, *Hüte*; для того же периода характерно включение существительных муж. рода в 3-й класс образования мн. числа (*Ränder*, *Männer*, *Würmer* и др.)]. Объяснение этих процессов как «развитие по аналогии» [27] представляется нам недостаточным, ибо все они обретают строго научную интерпретацию в рамках реконструкции системных морфонологических процессов в германских языках. В этой связи можно указать на довольно спорное объяснение этих явлений, предложенное Е. Куриловичем [28], с которым мы никак не можем согласиться.

У древневерхненемецких существительных склонения на *-n* (*haso* «заяц», *garto* «сад», *scado* «тень», *namo* «имя», *samo* «семя» и пр.) в род. и дат. падежах ед. ч. отмечалось чередование флексии *-en/-in* (*hanen/hanin*). Формы с *-in*, особенно частотные у Ноткера и Исидора, должны были бы теоретически иметь палатальные перегиловки. И действительно, в ранних текстах мы встречаем *nemin* (< **namin*), *scedin* (< **scadin*). Возникшее таким образом чередование гласных и оппозиция им., вин. падежей, с одной стороны, и род., дат. — с другой, в пределах одной парадигмы (*hano*, *hanun* — *henin*, *henin*) «сопровождали» уже имевшуюся в распоряжении морфологии оппозицию флексии и оказалось избыточным. Результат был легко предсказуем: в более поздних памятниках умлаут в этих формах практически элиминирован. Интересно отметить, что в деривациях, где существительными оказываются не морфологические, а лексические условия (лексофонология), умлаут был повсеместно сохранен: *erbo* «наследник», *recco* «богатырь», *sceppo* «творец», *gisello* «подмастерье» и пр.

Совершенно противоположный морфонологический процесс, нежели тот, что мы отмечали выше для *n*-склонения, можно наблюдать при становлении форм мн. числа типа *Gärten*, *Väter*, *Töchter*, *Mäntel* и пр. Древневерхненемецкая парадигма: им., род., дат., вин. падежи ед. ч. — *muoter*, мн. ч. — *muoter*, *muotero*, *muoterum*, *muoter* (также *tohter*, *bruoder*). Древние рукописи еще фиксируют аналогичную парадигму для ед. числа и от *fater*, но мн. число образуется уже только по образцу *a*-склонения. Таким же образом у Ноткера находим форму *tohtera*. Трехсложная структура словоформ на *-er*, *-el*, *-en* не допускала традиционных способов образования мн. ч. (*-e*, *-en*, *-er*). По-видимому, это обстоятельство и послужило тому, что система языка воспользовалась уже имеющимся в ее распоряжении пока еще фономорфологическим средством — умлаутом, закрепив за диакритическими функциями палатальных альтернатив морфологические значения. Этот морфонологический процесс втягивания фонологических чередований в морфологию, подтверждающийся еще и тем, что они немислимы здесь ни фонологически, ни морфологически, породил такие формы, как нем. *Väter*, *Brüder*, *Mütter*, *Mäntel* и др.

Основным типом образования мн. числа существительных муж. рода в немецком языке является, как известно, морфема *-e*. Однако фонетичес-

кая тенденция к редукции безударной флексии сопровождалась в средневерхненемецком и особенно в нововержненемецком переорганизацией всей грамматической системы образования мн. числа существительных. Особенно отчетливо эта тенденция выражена в немецких диалектах, которые не связаны грамматической нормой и письменной традицией. Согласно общим правилам редукции, конечное *-e* могло частично сохраняться только в нижненемецких и восточносредненемецких диалектах. Как же реагировала система языка на этот фонологический процесс? Результаты морфофонологического процесса не были однозначны в различных ареалах. В южных диалектах морфология оказывается пассивной перед фонологической редукцией и прибегает к иным средствам маркирования категории мн. числа: вместо окончания *-e* показателем грамматического значения становится фонологическое средство — умлаут. Так возникают формы типа *täg, hünd, ärm* и т. д. Умлаут получают и формы на *-u*, закономерно не имевшие его ранее в ед. числе по фонологическим правилам южнонемецких диалектов: *lug — lüg*. Естественно, что перегласовка в этих формах не является фонологическим явлением.

В арсенале морфофонологических средств выражения мн. числа наряду с окончанием *-e*, сохранившимся в некоторых диалектах, и умлаутом, оказались еще некоторые ранее чисто фонологические средства. И если умлаут сохранился как категорийный маркер и в литературном немецком языке, то другие описанные ниже явления остались на уровне ареальных феноменов, свидетельствующих о поисках системой языка оптимальных показателей грамматического значения. Вторичная фонологическая дифференциация, связанная с различиями развития ударного гласного и конечного согласного корня, имела место в нижненемецких и средненемецких диалектах. Гласный корня, сохраняя краткость в закрытом слоге, мог удлиняться в открытом; в восточнонемецких диалектах удлинение могло происходить в односложных словах перед группой согласных [19, с. 177]. Эта альтернатива кратких и долгих гласных корня начинает использоваться морфологией для противопоставления ед. и мн. числа после редукции конечного *-e*: ср. восточнофранкские формы *fiš — fiš* «рыба», *šdrik — šdrik* «веревка», *flēk — flek* «пятно», *diš — diš* «стол» и т. д. Этот новый показатель мн. числа мог для усиления оппозиции подкрепляться умлаутом: *šūs — šüs* «выстрел», *nūs — nūs* «орех», *sōk — sek* «мешок», *khōpf — khepf* «голова» и т. д.

Использование альтернативы долгого и короткого гласного в морфофонологических целях отмечается во всех немецких диалектах (кроме верхнесаксонского) с различной степенью интенсивности. Причина неустойчивости этого показателя мн. числа и отсутствия его в литературном немецком языке достаточно прозрачна: это связано в первую очередь с его полифункциональностью (ср. использование того же показателя для маркирования дат. падежа в парадигме существительных тех же диалектов).

Следующей возможностью дифференциации форм мн. числа была фонологическая альтернатива, возникшая в результате различной судьбы исходных корневых согласных в интервокальном и конечном положениях: несмотря на отпадение конечного *-e* и исчезновение интервокальной позиции морфология сохраняет в формах мн. числа звонкий вариант согласного (нейтрализация). Позиция отстает перед активной морфологией. Возникшие таким образом альтернативы спирант / смычный *k*; *r* (после ротацизма) / смычный *d* (*t*); *ŋ* (< *ng*) / *nk*; *l*, *n* (< *ld*, *nd*) / *lt*, *nt* (чисто фонологические чередования) начинают использоваться морфологией для маркирования оппозиции ед. / мн. числа. Особенно широко это явление пред-

ставлено в нижненемецких и средненемецких диалектах: *hond* — *hon* «собака», *riŋk* — *riŋ* «кольцо», *bärk* — *bär* «гора», *šuk* — *šū* «баширек» и т. д. Таким образом, после редукции конечного *-e* в распоряжении морфологии оказались следующие средства дифференциации ед./мн. числа: 1) альтернатива краткого/долгого гласного; 2) альтернатива глухого/звонкого согласного в исходе корня; 3) альтернатива перегласованного/неперегласованного гласного корня; 4) нулевая морфема (типа мекленбургских образований *fiš* — *fiš* «рыба», *dēl* — *dēl* «долина», *šo* — *šo* «баширек», *knē* — *knē* «колено» и т. д.).

Как указывалось выше, все эти средства использовались в диалектах с различной степенью интенсивности: будучи пассивной в этом морфологическом процессе, морфология как бы ведет активный поиск новых выразительных средств маркирования категориального значения. Теоретически морфология имела еще один выход: активное противодействие фонологической тенденции, что можно наблюдать в мекленбургском диалекте: с целью избежать *θ*-морфемы во мн. числе сохраняется *-e*, хотя бы в форме факультативного неударного *-ə*: *dēl* — *dēlə* «часть», *diš* — *dišə* «стол».

Во многих случаях формы мн. числа приобретают новое средство — окончание *-s*: *kerl* — *kerls* «парень», *börger* — *börgers* «горожанин», *moder* — *moders* «мать» и т. д. Несмотря на спорные предположения относительно происхождения этого *-s*, время его интенсивного использования в этой роли непосредственно связано с редукцией *-e*. Таким образом, можно предположить, что это еще один пример реакции морфологии на реализацию фонологической тенденции. Разумеется, все вышеуказанные метаморфозы образования лишь одного типа мн. числа существительных находят свое объяснение не иначе как в рамках морфологических процессов. Отдельно взятые фонологические, морфологические, наконец, аналогические толкования оказываются бездоказательными, ибо морфологические процессы становления системы мн. числа, отражающие «игру» межуровневых связей, нередко непредсказуемое переключение диахронического развития с одного уровня на другой (оно зависит в конечном счете от активности или пассивности того или иного уровня), являются живыми для современного состояния немецкого языка. Активность указанных выше морфологических процессов в диалекте достаточно ярко оттеняет консерватизм письменной традиции литературного языка, сохраняющего громоздкую, непоследовательную, логически противоречивую систему образования мн. числа.

Отметим некоторые морфологические особенности германского аблаута. Как известно, система сильного глагола в германских языках отражает общую модель индоевропейских языков. Даже не прибегая к реконструкциям, а пользуясь только данными письменных памятников, можно проследить поистине «трагическую» судьбу этой системы. Являясь древнейшим пластом глагольной парадигматики, она постоянно находится под давлением более регулярного слабого спряжения глагола и фонетических тенденций. Для «выживания» необходимо было придать регулярность рядам чередований, усилить морфологическую маркированность структурных элементов. Анализируя состояние этой системы на уровне наиболее ранних памятников и современных германских языков, можно заключить, что количество сильных глаголов значительно уменьшилось, регулярность чередований в системе окончательно не установилась.

Вся динамика развития системы германского аблаута морфологична. Рассмотрим конкретный материал. Чисто фонетическое явление так на-

зывается «грамматическое чередование» — рефлексы закона Вернера — вызвало в германских языках многочисленные изменения облика морфем в рамках одного парадигматического ряда. Речь идет о чередованиях **s-r, d-t, h-g, b-f*, обусловленных акцентным фактором: ср. др.-в.-нем. *kiosan — kos — kurum — gikoran; hwerjan — hwarf — hwurbum — hworban; findan — fand — funtum — juntan; werdan — ward — wurtum — wortan*. На уровне древневерхненемецких памятников примеры подобного рода еще чрезвычайно многочисленны; однако уже тогда процесс устранения чередований практически закончился в некоторых диалектах. Во франкском диалекте выравнивание консонантизма закончилось раньше, чем в алеманском, баварском, лангобардском: чередования еще четко прослеживаются в глаголах типа др.-в.-нем. *lidan* «страдать», *gilidan* «идти», *midan* «избегать», но у Отфрида находим *midan — meid — midun — gimidan*. Сильный глагол первого ряда чередований (*j*-презентный) *intrihan* «открывать» в формах 2 л. ед. ч. наст. времени обнаруживает согласный 3-й и 4-й ступеней: *intrigi*, причастие *intrigan*. Глагол II ряда *hiofan* «жаловаться» имеет презентные формы *hiuban*, что свидетельствует об устранении чередований в пользу 3-й и 4-й ступеней: **houf — hubum — ughoban*. Глагол III ряда *findan* «находить» у Отфрида имеет формы *findu — fand — funtum*. В других диалектах чередование уже устранено (ср. у Тациана *fundum, fundan*). Однако встречаются интересные формы с глухим дентальным в презентной парадигме и в ед. ч. претеритальной парадигмы (*finlis, fant*), которые могут свидетельствовать о неустоявшейся традиции выравнивания консонантизма 1-й и 2-й ступеней по 3-й и 4-й или наоборот. Этот вывод подтверждает глагол III ряда *swelhan* «глотать» (*swilhu — swalh — swulgum — giswolgen*); однако у Тациана и в Парижских глоссах неоднократно находим: *farswilgit, swelgenti*, т. е. формы с согласным 3-й и 4-й ступеней в презентной парадигме. Ср. также средневерхненемецкий глагол III ряда *swelgan*, где *h > g* в презентной парадигме (т. е. во всей парадигме остается согласный 3-й ступени). Этот случай мы считаем достаточно показательным для общей картины динамики сильной парадигматики.

Чередование /f/ — /b/ встречается в ранних памятниках в формах глагола *hwerjan* «обращаться» (*hwirfu — hwarf — hwurbum — hworban*), а позднее у Исидора — *hwerjandi, chihwurfi* (3-я ступень) и в Монзейских фрагментах — *gihworfan* (4-я ступень). Однако у Тациана выравнивание консонантизма произошло в ином направлении — *werban, hwerban, arwerpant* (глоссы из Райхенау). У глагола *heben* «поднимать» (*hob — hoben — gehoban*) выравнивание консонантизма произошло только в нововеерхненемецком по претеритальным формам мн. числа. Звонкий смычный попал в формы претерита ед. числа, а затем и в презентную парадигму и инфинитив: ср. др.-в.-нем. *heffen — huop — huobum*.

Глаголы V класса еще на уровне древневерхненемецкого имели чередование /r/ — /s/: *lesan — las — larumgileran* (аналогично: *jesan, gesan, nesan, kresan, wesan* и пр.). С IX в. /r/ в ступенях 3 и 4 регулярно заменяется на /s/. В глаголах II ряда *frieren, verlieren* наблюдается противоположная картина: здесь /r/ из форм претерита мн. числа проникло в формы ед. числа и затем в презентную парадигму.

В готском языке выравнивание консонантизма произошло в пользу глухого согласного: *haffjan — hof — hofum — hafans* (ср. др.-сакс. *heffian — hof — hobum — habans*), гот. *wairban — warb — waurbum — waurbans*. Примеры морфонологического процесса унификации консонантизма можно умножить. Однако общая тенденция видна уже из вышеприведенного.

Индукционными были как презентный консонантизм, так и консонантизм претеритальный мн. числа. В период средневерхненемецкого в качестве индукционного члена аблаутного ряда оказалась презентная парадигма. Причина этого достаточно прозрачна, ибо формы настоящего времени связаны не только с грамматическим, но и с лексическим полем, в то время как в формах мн. числа претерита основную роль играет вокализм, а не консонантизм.

Начиная с XIV в. в претеритальной парадигме сильных глаголов происходит устранение вокалических чередований, мало значимых для морфологии. Процесс этот проходил неоднозначно. В I ряду гласный форм мн. числа проник в формы ед. числа: *greifen — griff — griffen*. Аналогичный процесс имел место в IV ряду: *-a-* из форм мн. числа распространилось на ед. число. Противоположная по направленности тенденция проявилась во II ряду: здесь *-o-* из форм ед. числа проникло во мн. число: *schoz — schussen, schoz — schossen* (аналогично *fliesen, genießen, giesen, kriechen, riechen, biegen, bieten* и др.); гласный *-a-* форм ед. числа глаголов III ряда также оказался (правда, двумя веками позднее) в формах мн. числа: ср. ср.-в.-нем. *binden — bant — bunden, band — banden, sprang — sprangen*. Иными словами: *modus vivendi* системы сильных глаголов включал и устранение чередований в претеритальной парадигме, что привело к свертыванию четырехчленной оппозиции аблаута в трехчленную. Морфонологические процессы скорректировали систему аблаута, сделали ее более стабильной и регулярной.

Следующим шагом развёртывания системы сильных глаголов в сторону большей регулярности стало, по-видимому, превращение трехчленной оппозиции в двухчленную. В современном немецком языке из 150 сильных глаголов двухчленную оппозицию имеют 106 глаголов. Из них — 34 глагола типа *braten — briet — gebraten* (презент + причастие/претерит) и 72 глагола типа *frieren — fror — gefroren* (презент / претерит + причастие). И только 44 глагола (29%) сохраняют еще трехчленную оппозицию типа *treffen — traf — getroffen*.

Отметим еще одну интересную особенность морфологических процессов, протекавших в системе германских сильных глаголов. В I ряду аблаута существует антропофоническое правило, известное каждому германисту: звонкий исход корня сопровождается долгим гласным в претерите, а глухой исход корня — кратким гласным. Это обстоятельство привело к возникновению среди 24 сильных глаголов этого класса типа *bleiben — blieb — geblieben* оппозиционной группы из 9 глаголов типа *reiten — ritt — geritten*. Возникает вопрос: возможен ли долгий гласный претерита перед глухим исходом корня? Теоретически такой ситуации не должно быть. Однако в VII классе у глаголов *braten, raten, stoßen, rufen, heißen* это оказывается возможным, т. е. в определенной морфологической ситуации указанное антропофоническое правило нейтрализуется.

Возможной оказывается и противоположная картина: звонкий исход корня сопровождается кратким гласным в основе претерита — глаголы типа *fangen* подтверждают это, несмотря на всю аномальность парадигм этих глаголов. Следовательно: одно и то же фонетическое правило действует различно в различных морфологических контекстах. Если глаголы I и II класса характеризуются четкой дифтонгической структурой, а структура III и IV классов — исходом «сонант + согласный» (или чистый сонант), то новации V, VI, VII классов требуют дополнительной интерпретации. Первая и четвертая ступени в этих классах оказываются малоинформативными в отношении классной принадлежности: *geben — gegeben*,

tragen — *getragen*. Единственным членом оппозиции, маркирующим классную принадлежность, а также парадигму, является *-ā-* в претерите V класса, *-ū-* в претерите VI класса, *-i-* в претерите VII класса. Иными словами: для морфологии важен классный показатель парадигматики, а не фонетические правила исхода корня. Этот морфонологический процесс убедительно подтверждает так называемый закон дифференциации В. А. Богородицкого.

Аналогичные морфонологические процессы протекали и в четвертой ступени аблаута: ср. нулевую ступень I—IV рядов типа гот. *frufans*, *bundans* и продленную ступень в причастиях типа нем. *geblieben*, *gepriesen*, где *Dehnstufe* ни фонологически, ни морфологически просто немыслима.

Морфонологические процессы унификации системы аблаута были особенно интенсивными в германских диалектах периода средневековья, незадолго до широкого распространения письменности и книгопечатания. Зародившись в верхненемецких диалектах, они постепенно захватили всю территорию. Если у Лютера они еще носят латентный характер, то у Г. Сакса они уже актуализированы. Многочисленные территориальные дублеты с унифицированным и неунифицированным вокализмом и консонантизмом, с отклонениями от ряда аблаута, с колебаниями между сильной и слабой парагматикой, т. е. примеры, отражающие актуализацию живых морфонологических процессов в языке средневековья, настолько обильны, что не представляется возможным привести их в данной работе [29]. Отметим, однако, что все они подтверждают интенсивность протекания морфонологических процессов в германских языках в разное время. Позднее они в значительной мере были приостановлены письменной и литературной традицией, которая продолжается и сегодня в менее фиксированной диалектной речи.

Попробуем реконструировать морфонологический процесс, но уже на ином материале. Известно, что германский дентальный претерит представлен шестью алломорфами: /t/, /d/, /p/, /ð/, /s/, /θ/.

Морфонологический процесс становления системы слабого прошедшего времени в германских языках можно разбить на четыре этапа: 1) символизация морфемы прошедшего времени определенной формой, в данном случае с /t/; 2) фономорфологический этап; 3) морфонологический этап; 4) процесс стабилизации.

Возникновение новой грамматической категории требовало не новой фонологической единицы, а лишь новой условности, новой символизации средств, уже имевшихся в языке. Процесс символизации был связан с «перепрофилированием», с «конверсией» плана содержания семантически близких морфов. Это по сути первоначальный процесс закрепления семантической единицы морфологии за определенным символом, за определенной формой в определенных условиях (в нашем случае /t/). Под определенными условиями следует понимать то обстоятельство, что «морфемность» данной фонетической единицы реализуется не в любой дистрибуции, а только в линейной последовательности «основа глагола + морф прошедшего времени + морф лица, числа».

Процесс (2) представляет собой схему разворачивания морфонологического ряда: $t > /t/, /d/, /p/, /ð/, /s/, /θ/$. Мы называем этот процесс «фономорфологическим», отмечая при этом, что если бы это была чисто фонетическая процедура, то реконструкция его не представляла бы сложности и мы должны были бы отвергнуть понятие морфологических опор. Но этого, как показал анализ материала, сделать нельзя. Процесс разворачивания морфонологического ряда проходит на фономорфологическом

уровне. Именно морфологические условия способствуют реализации фонетических потенций этого морфонологического ряда. Взаимодействие уровней морфологии и фонологии на данном этапе реально ощутимо, но доминирует (активен) уровень фонологии. Итак, на втором этапе столько же морфологического, сколько и фонологического. В случае с морфемой прошедшего времени мы имеем уникальное явление, когда в письменных памятниках можно встретить все теоретически расчетные варианты аллофонов — от одного до пяти с дифференциальным признаком + дентальность. На этапе (2) грамматическая основа пассивно включила в себя все аллофоны, сделав их алломорфами. Все они семантически равнозначны, т. е. сама отдельно взятая альтернатива незначима. Это обстоятельство способствовало тому, что на грамматическом уровне открылась возможность выравнивания парадигматического ряда. В связи с этим хотелось бы еще раз заметить, что будь эти чередования облечены какими-то дополнительными диакритическими функциями, то морфологический уровень, видимо, сохранил бы их, а не устранил. Дополнительные диакритики имеют здесь «классный» характер: имеется в виду определенная группа глаголов с определенным исходом основы.

Этап (3) проходил также на морфонологическом уровне. Излишние для морфологии чередования, вызванные процессом (2), целенаправленно устранялись по всем диалектам. Следует отметить, что процесс этот был также неоднозначным, но морфология была здесь активной. Вот почему многие формы не укладываются в рамки фонологической реконструкции. В северном ареале (включая готский) морфология пошла по пути проведения в претеритальные парадигмы презентных суффиксов. Любой алломорф дентального формата, оказавшись в интервокальном положении, унифицировался (ср. гот. **sohta* > *sokida*: реконструкция на основании др.-исл. *sotta*, др.-англ. *sohte*, др.-сакс. *sohta*, др.-в.-нем. *suohta*). Этим же обстоятельством обусловлена пестрая картина обобщения центральных и маргинальных алломорфов по диалектам. В западной группе германских языков морфонологический процесс распространения основообразующих суффиксов по всей парадигме был реализован фрагментарно, с различной региональной интенсивностью и вскоре был приостановлен действием противоположной тенденции — ослаблением безударных слов с синкопированием.

Все это привело к заключительному этапу — процессу стабилизации: современные германские языки унифицировали план выражения морфемы прошедшего времени, укрепив тем самым план ее содержания.

Подобная схема реконструкции морфонологических процессов носит типологический характер, ее можно применить при анализе любых морфонологических процессов в диахронии. Следует отметить, что не каждому морфонологическому процессу присущи все этапы: иногда этап символизации и фономорфологический этап могут совпадать (привлечение различных альтернатив к дифференциации категориальных значений).

В принципе морфонологический процесс в диахронии всегда отражает нарушение зыбкого равновесия между означающим и означаемым лингвистического знака. Причем развитие обоих планов происходит не однолинейно, что и осложняет реконструкцию процессов. Поэтому двухмерная морфонологическая реконструкция, предлагаемая всякий раз индивидуально, *ad hoc*, является более надежной, нежели одномерные сравнительная или внутренняя реконструкции.

Представляется, что морфонологический, лексофонологический и морфосинтаксический процессы, отражающие прямые и опосредованные функ-

циональные связи системы, представляют собой три основных составляющих глобального языкового диахронического процесса. Исследование этого глобального диахронического процесса предполагает тщательный анализ этих трех его компонентов с последующим синтезом результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dressler W. Morphology: the dynamic of derivation. Ann Arbor, 1985.
2. Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1964. С. 129.
4. Lamb S. Outline of stratificational grammar. Washington, 1966.
5. Gleason H. The organisation of language: a stratificational view. Georgetown, 1964.
6. Lockwood D. Introduction to stratificational linguistics, København, 1972.
7. Schreyer R. Stratificationsgrammatik // Anglistische Arbeitschefte. 1977. № 11.
8. Калмов Г. А., Булыгина Т. В. Уровни языковой структуры // Общее языкознание (внутренняя структура языка). М., 1972.
9. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., 1974.
10. Славянское и балканское языкознание: проблемы морфонологии. М., 1981.
11. Касевич В. Б. Морфонология. Л., 1986.
12. Кубрякова Е. С. Морфология в теоретических и типологических исследованиях последнего времени. М., 1988.
13. Bybee J. Morphophonemic change from inside and outside the paradigm // Lingua. 1980. № 50.
14. Leitmotifs in natural morphology // Studies in language companion series / Ed. by Dressler W. V. 10. Amsterdam, 1987.
15. Scalise S. Generative morphology // Studies in generative grammar. 1986. 18.
16. Клячков Г. С. Теория верификации в сравнительно-историческом языкознании // Теория и методология языкознания: методы исследования языка. М., 1989.
17. Мизгачев В. А. Единицы структуры языка // Системные свойства языковых единиц и их реализация в речи. Белгород, 1988. С. 4.
18. Парнюк М. А. Концепция детерминизма в диалектическом материализме // Современный детерминизм и наука. Т. I. Новосибирск, 1975. С. 7.
19. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л., 1956. С. 452.
20. Dal I. Zur Frage des süddeutschen Präteritumschwundes // Indogermanica. Festschrift für W. Krause. Heidelberg. 1960.
21. Мизгачев В. А. О морфонологическом статусе германских слабых глаголов // Историко-типологические и синхронно-типологические исследования. М., 1972. С. 68.
22. Мизгачев В. А. Германский дентальный претерит и его морфонологический статус // ВЯ. 1972. № 4.
23. Raven Fr. Die schwachen Verben des Althochdeutschen. Giessen, 1963.
24. Trubetzkoy N. S. Gedanken über Morphologie // TCLP. 1931. IV.
25. Мизгачев В. А. Об одной концепции стратификационной модели языка // Взаимодействие формы и содержания лингвистических единиц различных уровней. Белгород, 1985.
26. Макаев Э. А., Кубрякова Е. С. Диахроническая морфонология древних германских языков // Историко-типологическая морфонология германских языков. М., 1977. С. 38.
27. Kienle R. von. Historische Laut- und Formlehre des Deutschen. Tübingen, 1960. S. 30.
28. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 98.
29. Paul H. Deutsche Grammatik. Bd II. T. 3. Halle, 1954. S. 199—245.